

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-2-23-31

Е.А. ДенисоваМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Автобиографические источники романа М.Ю. Лермонтова «Вадим»

Аннотация. В статье рассматривается автобиографический контекст первого прозаического произведения М.Ю. Лермонтова – незавершенного романа «Вадим». Цель исследования – проследить особенности влияния художественного восприятия биографического события на формирование сюжета и образов персонажей; в статье затрагивается также вопрос о датировке романа, сделанной на основании письма Лермонтова к М.А. Лопухиной и воспоминаний А.М. Меринского. Кратко очертив биографический фон – события жизни Лермонтова 1830–1831 гг., автор концентрирует внимание на двух аспектах проблематики романа: мотиве разрыва между отцом и сыном и любовном конфликте. В качестве источников рассматриваются конфликт между отцом и бабушкой Лермонтова, отношения с Н.Ф. Ивановой, а также связанный с ними лирический цикл, драмы “Menschen und Leidenschaften” и «Странный человек». Результаты анализа пересечений «Вадима» с более ранними текстами позволяют рассуждать об общем автобиографическом подтексте, а также сделать некоторые замечания о специфике лермонтовского автобиографизма. Семейный конфликт, лежащий в основе драмы «Странный человек», в «Вадиме» трансформируется в сюжет о мести сына за погибшего отца, что является отправной точкой для дальнейшего художественного построения. Любовный конфликт романа также имеет автобиографическую обусловленность. Речь идет в данном случае не о прямом воспроизведении биографического события в сюжете романа, а о художественном переосмыслении и формировании образа героини, который включает в себя мотивы и средства художественного выражения, свойственные ранней лирике Лермонтова, в частности, для «ивановского цикла».

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, роман «Вадим», Н.Ф. Иванова, автобиографизм, любовный конфликт, художественное осмысление жизненных событий

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Денисова Е.А. Автобиографические источники романа М.Ю. Лермонтова «Вадим» // Литература в школе. 2021. № 2. С. 23–31. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-2-23-31

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-2-23-31

E.A. DenisovaLomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Autobiographical sources for M.Yu. Lermontov's novel "Vadim"

Abstract. The article considers the autobiographical context of the first prose work by M.Yu. Lermontov – the unfinished novel "Vadim". The purpose of the study is to analyze the specifics of the influence of the artistic perception of a biographical event on forming the plot and images of characters; the article also considers the dating of the novel based on Lermontov's letter to M.A. Lopukhina and the memoirs of A.M. Merinsky. After a brief description of the biographical background – the events of Lermontov's life in 1830–1831, the author focuses on two aspects of the novel's problematics: The motive of the family break-up between father and son and the love conflict. The sources for such an analysis are the conflict between Lermontov's father and grandmother, relationship with N.F. Ivanova as well as the associated lyric cycle, dramas "Menschen und Leidenschaften" and "Strange Man". The results of the analysis of the intersections of "Vadim" with earlier texts provide an opportunity to talk about the general autobiographical implication, and to make some remarks about the specifics of the autobiographical nature of Lermontov's works. The family conflict that underlies the drama "Strange Man" in "Vadim" is transformed into a plot about the son's revenge for his deceased father, which is the starting point for further artistic construction. The love conflict of the novel is also autobiographically conditioned. In this case, we are not talking about the direct reproduction of the biographical event in the plot of the novel, but about the artistic reflection and development of the female image, which includes motives and means of artistic expression, which are characteristic of Lermontov's early lyrics, and of the "Ivanovski cycle" in particular.

Key words: M.Yu. Lermontov, novel "Vadim", Natalya Ivanova, autobiographic nature, love conflict, artistic interpretation of life events

CITATION: Denisova E.A. Autobiographical sources for M.Yu. Lermontov's novel "Vadim". *Literature at School*. 2021. No. 2. Pp. 23–31. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-2-23-31

Первое прозаическое произведение М.Ю. Лермонтова – незавершенный роман «Вадим» – датируется 1832–1834 гг. При этом в биографии

автора нет точных сведений о начале работы над романом; примерная датировка основывается на строках из письма Лермонтова к Марии

Александровне Лопухиной от 28 августа 1832 г.: «Пишу мало, читаю не больше; мой роман становится произведением, полным отчаяния; я рылся в своей душе, желая извлечь из нее все, что способно обратиться в ненависть; и все это я беспорядочно излил на бумагу – вы бы меня пожалели, читая его!..» [5, т. VI, с. 703].

Это письмо Лермонтов пишет Лопухиной из Петербурга, куда он переезжает вместе с бабушкой в июле 1832 г. [4, с. 128]; вскоре он держит экзамены для поступления в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Предположительно, в период учебы в военной школе Лермонтов продолжал работу над романом; такой вывод делается на основании воспоминаний А.М. Меринского: «Раз, в откровенном разговоре со мной, он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой и три главы которого были тогда уже им написаны. Роман этот был из времен Екатерины II, основанный на истинном происшествии, по рассказам его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе; в нем описывалась также первая любовь, не вполне разделенная, и встреча одного из лиц романа с женщиной с сильным характером, что раз случилось и с самим поэтом в его ранней юности <...> Роман, о котором я говорил, мало кому известен, и нигде о нем не упоминается; он не был окончен Лермонтовым и, вероятно, им уничтожен» [6, с. 138].

Разговор этот между Лермонтовым и Меринским происходил в начале 1834 г. [5, т. VI, с. 636]. Меринский упоминает о том, что на момент рассказа у Лермонтова уже готова некая часть

романа; это позволяет предположить, что главы эти написаны до поступления в военную школу и по своему идейно-художественному содержанию относятся скорее к предшествующему московскому периоду. Упомянутая Меринским «первая любовь, не вполне разделенная», по-видимому, также относится к самому Лермонтову, а не к персонажу романа; это высказывание можно понять в автобиографическом смысле, как свидетельство того, что сюжет романа носит отпечаток пережитого Лермонтовым немного ранее, в 1830–1831 гг.

В исследовательской литературе встречаются сомнения относительно того, об одном ли романе идет речь в двух процитированных выше источниках. В частности, И.Л. Андроников полагал, что в воспоминаниях Меринского упоминается текст «Вадима», работа над которым «началась не раньше 1833 года, а в 1832 году Лермонтов писал какой-то другой роман» [1, с. 96]. Однако, сопоставляя общий характер и настроение лермонтовского письма, сопутствующую ему жизненную ситуацию и текст романа «Вадим», можно обнаружить некое тождество; как пишет Г.В. Москвин, «все письмо пронизывает ощущение тревоги, на этом фоне слова о романе сказаны не “к слову”, а совпадают с общим состоянием души, единым для каждой строчки этого послания <...> Очевидно, что в творческом плане роман, о котором упоминает Лермонтов, составляет основное его переживание, видимо, какого-то достаточно продолжительного времени» [7, с. 86–87]. На основании этого делается вывод о том, что в 1832 г. Лермонтов «работает над произведением, которое впоследствии примет форму незаконченного

романа “Вадим”. <...> Работа над романом была прервана в связи с резким изменением плана дальнейшей жизни и в связи с кризисом творческого характера» [7, с. 91]. Спустя некоторое время, уже во время учебы в Школе гвардейских подпрапорщиков, Лермонтов возобновляет работу над романом, о чем свидетельствуют воспоминания А.М. Мериного.

Строки из письма Лермонтова к Лопухиной, в частности, следующая фраза: «я рылся в своей душе, желая извлечь из нее все, что способно обратиться в ненависть; и все это я беспорядочно излил на бумагу» [5, т. VI, с. 703] – красноречиво свидетельствуют об автобиографической природе романа. *Автобиографическое* при этом следует понимать в особом, «лермонтовском» смысле; как художественный метод автобиографизма в данном случае подразумевает не прямое изображение ситуаций из жизни, а творческое осмысление личного переживания для последующего воспроизведения в героях и сюжете, придания им реалистичности и эмоциональной наполненности. Тот факт, что сам Лермонтов отмечает в письме такой способ работы над текстом, придает автобиографической манере характер сознательной авторской стратегии. Приведенная фраза демонстрирует также четко осознаваемый автором процесс творческой трансформации индивидуального чувства, порожденного жизненным впечатлением, в художественный текст.

Как уже было замечено, источник переживаний, которые становятся психологической основой для сюжета романа, следует искать в биографии Лермонтова. Для этого следует, прежде всего, кратко очертить события

в жизни Лермонтова предшествующего московского периода, а также круг произведений, в которых упоминаемые события подверглись творческой рефлексии. Юношеские годы, проведенные в Москве, в особенности 1830–1831 гг., были отмечены сразу несколькими драмами личного характера, которые нашли отражение в творчестве этого времени. Именно в 1830 г. напряженные отношения между бабушкой Лермонтова Елизаветой Арсеньевой и его отцом Ю.П. Лермонтовым достигли апогея, и вслед за тем произошел окончательный разрыв; борьба между ними и взаимное нерасположение, о котором прежде юный Лермонтов мог лишь догадываться, теперь уже не скрывались и требовали от него внутренней борьбы и нравственного выбора. В феврале 1830 г. Юрий Петрович Лермонтов находился в Москве и встречался с сыном, «которому он, видимо, рассказал о своих сложных отношениях с тещей» [4, с. 78].

В том же 1830 г. Лермонтов пишет прозаическую драму “Menschen und Leidenschaften” («Люди и страсти»); сюжет ее состоит в семейной расправе, которая разворачивается между отцом и бабушкой главного героя на фоне его несчастной любовной истории. Сразу становится очевидным, что ключевой конфликт пьесы создается Лермонтовым в свете истории его собственной семьи. П.А. Висковатов отмечает, что драма «Люди и страсти» представляет собой особенный автобиографический интерес: «По-видимому, Лермонтов написал эту трагедию в момент, когда дурные отношения между бабушкой и отцом его обострились до вызова катастрофы. Изображением и разъяснением событий молодой поэт как бы

дает выход волновавшим его чувствам, он изливает их в целом ряде сцен, в которых выводит себя и близких домашних и родных» [3, с. 77]. Драма, таким образом, становится первой попыткой осмыслить и разрешить для себя семейный конфликт при помощи творческой рефлексии. В сюжете драмы симпатии автора, очевидно, лежат на стороне отца; его права на сына как на свою собственность понимаются как нечто непреложное: «Отец... хотел отнять сына... отнять... разве он не имеет полного права надо мной, разве я не его собственность...» [5, т. V, с. 171]; «Вы меня не пустите? Вы? – Да что вы между отцом и сыном?.. или не знаете – между отцом и сыном один Бог!» [Там же, с. 175].

Вскоре после решающего эпизода семейной драмы отец Лермонтова умер (в октябре 1831 г.). Художественное осмысление событий не ограничивается только одним текстом; осенью 1831 г. Лермонтов завершает следующую драму «Странный человек», которая, по замечанию Б.М. Эйхенбаума, «еще более автобиографична, чем трагедия “Люди и страсти”, и <...> представляет собой нечто вроде мемуара в драматической форме» [10, с. 173]. Следует, однако, заметить, что в сюжете новой драмы акценты расставлены несколько иначе; появление образа несчастной матери меняет суть конфликта. Бабушка здесь отходит на второй план, а виноватым в семейной драме становится отец. В соответствии с заглавием фокус внимания смещается на личность главного героя; немаловажен тот факт, что в качестве стихотворений Владимира Арбенина Лермонтов использует свои собственные произведения – в част-

ности, «Видение», 1, 2 и 5 строфы из «1831-го июня 11 дня» и др., которые в целом очень показательны для этого периода как в биографическом, так и в творческом отношении.

Таким образом, биографический разрыв отца и сына становится сюжетом, который последовательно осмысливается в двух драматических произведениях, а также становится основой для ряда стихотворений («Ужасная судьба отца и сына...», «Эпитафия» и др.). Смерть отца является сюжетообразующим элементом и в романе «Вадим», где характер и мотивация поступков главного героя обусловлены мстостью за униженного и погибшего отца. Если две предшествующие драмы представляют собой первый этап творческого осмысления биографического события и прямо строятся на конфликте между отцом и сыном, то в романе данная проблематика выступает в качестве отправной точки для дальнейшего художественного построения. Здесь вступает в силу триада «ненависть – презрение – любовь», концептуально значимая для понимания смысла задуманного Лермонтовым сюжета.

Отец перед смертью заражает Вадима своей ненавистью к обидчику; в своих воспоминаниях Вадим, «казалось, слышал его тяжелое дыхание и слова: отомсти, сын мой, извергу... чтоб никто из его семьи не порадовался краденым куском...» [5, т. VI, с. 22]. Ненависть и жажда мщения становятся для героя движущей силой, своеобразной отправной точкой его отношения к миру, что очевидно из его признания сестре Ольге: «Я видел отца твоего перед кончиной; его седая голова, неподвижная, сухая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя

искра жизни и ненависти... и мне она осталась в наследство; а его проклятие живо, живо и каждый год пускает новые отрасли...» [5, т. VI, с. 18].

Размышления о ненависти и презрении вложены в уста Вадима уже на первых страницах романа; рассматривая изображение дьявола на святых вратах монастыря, он сожалеет о нем: «Если бы я был черт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник Бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!» [Там же, с. 8]. Ненависть и презрение, обретающие демоническое звучание с самого начала сюжета, взаимно обусловлены разрывом с отцом, который может пониматься и как разрыв с миром и с высшим началом; как пишет С.В. Савинков, «основным переживанием лермонтовского человека следует считать переживание *разрыва* с Отцом <...> и своей онтологической чуждости “здешнему” миру. <...> Лермонтовский герой мучительно ищет пути, которые могли бы привести его к обретению утраченной отчизны. Одним из возможных, но так никогда и не реализованным станет для него путь основания *собственной* отчизны <...> в женском сердце» [9, с. 116].

Обретение любви для Вадима получает экзистенциальное значение; «любовь была последняя божественная часть его души, и, угасив ее, он не мог бы остаться человеком» [5, т. VI, с. 58]. Любовь для Вадима – единственное, что может заставить его излечиться от ненависти, возродиться к жизни; сама возможность обретения любви для него персонафицируется в сестре Ольге, которая неоднократно названа в романе «земным ангелом». Таким образом, Ольга

и связанное с ней чувство становятся возможностью примириться с землей, со «здешним» миром; здесь обнаруживается некое смысловое сходство с заключительными строками элегии «Ужасная судьба отца и сына...», где выбор делается в пользу земли из-за возможности любить:

О, если так, то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере, я люблю!

[5, т. I, с. 244]

В смысловой перспективе романа, по-видимому, было намечено разрешение триады *ненависть – презрение – любовь*; «ненависть, <...> достигнув предела в своем распространении, должна была, судя по тому, как формируется в тексте нравственная идея, исчерпать себя, т.е. обратиться в свою противоположность» [7, с. 91]. Однако сюжетное развитие, необходимое для воплощения намеченной идеи, не было найдено; невозможность продолжить роман так, как было задумано автором, становится еще одной причиной для «отчаяния», высказанного в упомянутом письме Лермонтова к Лопухиной. В романе предательство Ольги безвозвратно погружает Вадима в бездну ненависти; этот сюжет об измене возлюбленной также имеет свои автобиографические основания.

Любовь Вадима к сестре Ольге превратно понимается в некоторых исследовательских работах, где данный сюжет соотносится с мотивом близкородственной любви, косвенно влияющим на раннее творчество [2, с. 176–184]. В качестве биографического источника этого мотива указывается ранняя юношеская влюбленность в А.Г. Столыпину, которая, по выражению П.А. Висковатого,

«сильно тревожила и наполняла душу его, но в 1830 уже кончилась» [3, с. 15–44]. Однако следует заметить, что трактовка «Вадима», фокусирующая излишнее внимание на близкородственных мотивах, упускает из виду то самое «лермонтовское» понимание любви, которое свойственно его героям и о котором прямо говорится в тексте романа: «Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь – везде любовь, т.е. самозабвение, сумасшествие, назовите как угодно; и человек, который ненавидит все на свете и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильнее всех ваших произвольных страстей» [5, т. VI, с. 30].

Любовь понимается в экзистенциальном смысле, как источник и движущая сила всего живущего. Жажда обретения любви, присутствующая в душе Вадима, устремляется на вновь обретенную им сестру, с ангельским образом которой связывается надежда на возрождение. Речь идет в данном случае не о близкородственной любви – это отношения иного, более высокого порядка. Романтическая неистовость характера Вадима не позволяет ему делить сестру с кем бы то ни было; измена Ольги, ее влюбленность в ничтожного, «земного» Юрия разрушает ее идеальный облик, поражая столь необходимую для Вадима любовь в самом ее основании.

Биографические и творческие источники представленного в романе понимания любви и измены следует искать в более ранних событиях. В течение всего 1831 г. ключевым для лирики Лермонтова становится феномен «поражения любви», и трагическое мироощущение, порожденное острыми переживаниями, сохраняется до конца 1832 г. и в лирике, и в дра-

мах, влияя и на первый прозаический опыт [8, с. 107–116]. Наиболее полно мотивы измены и поражения любви раскрываются в лирическом цикле, посвященном Н.Ф. Ивановой, которую также можно считать прототипом Натальи Федоровны Загорскиной, героини драмы «Странный человек».

Об отношениях Лермонтова с Натальей Федоровной Ивановой сохранилось крайне мало документальных биографических сведений. Она была дочерью малоизвестного драматурга Ф.Ф. Иванова; в начале июня 1831 г. Лермонтов гостил у Ивановых в имении [4, с. 104]. К лету этого года относится, очевидно, влюбленность и последующий разрыв с Натальей Федоровной. После этого, между 1833 и 1836 г. Иванова вышла замуж за офицера Н.М. Обрескова, который ранее был разжалован в солдаты, однако в 1833 г. прощен и вскоре после этого вышел на гражданскую службу. События напряженных взаимоотношений Лермонтова и Ивановой восстанавливаются исследователями по циклу, который включает в себя более тридцати стихотворений 1830–1832 гг. и представляет собой «стихотворный дневник, в котором Лермонтов отмечает основные события этого горестного романа» [1, с. 129].

В мотивной структуре ивановского цикла выделяется несколько ключевых моментов – измена, понимаемая как поражение любви; героиня, которая именуется ангелом, но совершает предательство уготованной ей высокой роли; мотив обманутой «жажды» любви и разочарование в возлюбленной («К Н.И.», «Я не унижусь пред тобой...» и др.). Эти же мотивы переходят в драму «Странный человек», в текст которой включен ряд стихотворений «ивановского цикла».

Нетрудно заметить здесь и семантическую общность с центральным конфликтом более позднего романа «Вадим»; многочисленные текстовые пересечения подтверждают предположение об общности автобиографического контекста.

Измена героини-ангела горестно обыгрывается в стихотворении «К ***» («Иль женщин уважать возможно, / Когда мне ангел изменил?») [5, т. I, с. 209]; в тексте «Странного человека» Владимир Арбенин неоднократно называет ангелом Наташу Загорскину («Увижу Наташу, этого ангела») [Там же, т. V, с. 213]. В «Вадиме» представлена эволюция Ольги: при первом появлении на страницах романа она изображена как «ангел, изгнанный из рая за то, что слишком жалел о человечестве» [Там же, т. VI, с. 11]; после «измены» Вадим «стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника» [Там же, с. 73].

Мотив напрасной жажды любви получает красноречивое образное выражение в «Странном человеке»: «Владимир: Послушай: если б иссохшая от голода собака приползла к твоим ногам с жалобным визгом и движеньями, изъясляющими жестокие муки, – и у тебя бы был хлеб, ужели ты не отдала бы ей, прочитав голодную смерть во впалом взоре, хотя бы этот кусок хлеба назначен был совсем для другого употребления? – так я прошу у тебя одного слова любви!..» [Там же, т. V, с. 265].

Аналогичный эпизод мы находим и в романе «Вадим»: «Послушай: если б бедная собака, иссохшая, полуживая от голода и жажды, с визгом приползла к ногам твоим, и у тебя бы был кусок хлеба, один

кусок хлеба... отвечай, что бы ты сделала?..» [Там же, т. VI, с. 74].

Общность мотивов и многочисленные сходства на лексическом и образном уровне позволяют рассуждать об общем автобиографическом подтексте драмы, цикла стихотворений и романа. Личная драма художественно осмысливается сначала в лирических жанрах, а затем и на более отстраненном уровне творческой рефлексии – в драме «Странный человек», где история отношений с Ивановой и семейный конфликт дополнены новыми сюжетными подробностями и введены в контекст проблематики иного рода. С течением времени личное переживание, лежавшее в основе художественного феномена, теряет свою силу, однако оставляет след в творческом отношении, формируя образ героини – изменившего ангела, с присущим этому образу комплексом мотивов и средств художественного выражения.

Разумеется, сказанное не означает, что Н.Ф.Иванова является прямым прототипом героини романа «Вадим»; речь в данном случае идет о более тонком понимании автобиографизма как художественной рефлексии биографического материала. Семейный конфликт, смерть отца, отношения с Ивановой и их творческое осмысление опосредованно влияют на формирование сюжета и образов героев первого лермонтовского прозаического произведения. Таким образом, незавершенный роман «Вадим», который Лермонтов пишет в 1832 г. после рассмотренных выше событий и работа над которым прерывается в связи с резким изменением жизненных обстоятельств, становится своеобразным итогом периода в биографическом и творческом отношении, вбирая в себя результаты художественного осмысления значимых жизненных событий.

Библиографический список

1. Андроников И.Л. М.Ю. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964.
2. Арстанова В.А. Мотив близкородственной любви в раннем творчестве М.Ю. Лермонтова // *Litera*. 2019. № 1. С. 176–184.
3. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1987.
4. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1954–1957.
6. Меринский А.М. Воспоминание о Лермонтове // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 170–177.
7. Москвин Г.В. Начало прозы Лермонтова (К вопросу о датировке «Вадима») // *Тарханский вестник*. Т. 17. Пенза, 2004. С. 82–92.
8. Москвин Г.В. Первый период творчества М.Ю. Лермонтова (ранняя лирика) // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2014. № 3. С. 107–116.
9. Савинков С.В. Отец и сын в мире Лермонтова: логика противостояния // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2014. № 3. С. 116–126.
10. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.

References

1. Andronikov I.L. M.Yu. Lermontov. Issledovaniya i nachodki [Lermontov. Research and finds]. Moscow, 1964. (In Russ.)
2. Arstanova V.A. The motive of closely related love in the early works of M.Yu. Lermontov. *Litera*. 2019. No. 1. Pp. 176–184. (In Russ.)
3. Viskovatov P.A. Mikhail Yurevich Lermontov: Zhizn i tvorchestvo [Mikhail Yurievich Lermontov: Life and work]. Moscow, 1987. (In Russ.)
4. Zaharov V.A. Letopis zhizni i tvorchestva M.Yu. Lermontova [Chronicle of the life and work of M.Yu. Lermontov]. Moscow, 2003. (In Russ.)
5. Lermontov M.Yu. Sochineniya: V 6 t. [Works in 6 vols.]. Moscow; Leningrad, 1954–1957. (In Russ.)
6. Merinsky A.M. Memories of Lermontov. *M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, 1989. Pp. 170–177. (In Russ.)
7. Moskvina G.V. The beginning of Lermontov's prose (On the question of dating "Vadim"). *Tarhanskij vestnik*. Vol. 17. Penza, 2004. Pp. 82–92. (In Russ.)
8. Moskvina G.V. The first period of M.Yu. Lermontov (early lyrics). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2014. No. 3. Pp. 107–116. (In Russ.)
9. Savinkov S.V. Father and son in Lermontov's world: The logic of confrontation. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2014. No. 3. Pp. 116–126. (In Russ.)
10. Eikhbaum B.M. Stati o Lermontove [Articles about Lermontov]. Moscow; Leningrad, 1961. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2021, принята к публикации 25.02.2021
The article was received on 30.01.2021, accepted for publication 25.02.2021

Сведения об авторе / About the author

Денисова Екатерина Андреевна – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ekaterina A. Denisova – PhD postgraduate student at the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: katrine-den@mail.ru